

Лаборатории информационной войны: Сравнение российских операций дезинформации в Румынии и их возможное распространение на Молдову и Грузию

Кхьяти Сингх

*Институт оборонных исследований и анализа, Дели, Индия,
<https://www.idsa.in/page/11?center=strategic-technologies>*

Аннотация: В данной статье рассматриваются попытки ведения Россией информационной войны в Румынии, как модель для понимания возможной адаптации этих операций к условиям Молдовы и Грузии. Опираясь на теоретические концепции стратегической коммуникации, доктрину информационной войны и теорию гибридной войны, проанализированы конкретные исторические, культурные и политические уязвимости, которые используют российские дезинформаторы в Румынии. В анализе также отмечается участие связанных с Бразилией социальных сетей, продвигавших российские нарративы в повторные моменты геополитики, что важно для понимания более широкой архитектуры трансграничных потоков дезинформации. Далее предлагаются прогностические модели трёх возможных направлений политического развития России после 2022 года и вероятных различий в их методологии, целевой аудитории и воздействии. Обзор имеющихся данных показывает, что Румынию использовали в качестве исследовательской и экспериментальной лаборатории для совершенствования методов дезинформации, которые затем адаптируются к условиям соседних стран с учётом их слабостей. Статья вносит вклад в научный анализ информационной войны, обеспечивая сравнительную базу для прогнозирования развития российских информационных кампаний на постсоветском пространстве и в Восточной Европе.

Ключевые слова: информационная война, дезинформационные операции, гибридная война, стратегическая коммуникация, Румыния, Молдова, Грузия, Россия, пропаганда, манипуляция СМИ.

Вступление

Информационная сфера остается активной и постоянно развивающейся областью международного соперничества, поскольку государства всё чаще используют передовые информационные технологии для получения стратегических преимуществ. Теория «мягкой силы» Джозефа Ная напоминает нам о том, что одной из важнейших сфер современного геополитического соперничества является способность влиять на информационную среду. В этой парадигме все российские операции в области информационной войны в Украине и за её пределами служат примерами использования информации в качестве оружия.¹ В статье анализируются действия России в сфере информационной войны в Румынии с точки зрения стратегической коммуникации, доктрины информационной войны и теории гибридной войны, чтобы выяснить, как она может быть реализована и затем применена в Молдове и Грузии.

Существует обширный корпус научных исследований информационных операций России в Украине, странах Балтии и крупных странах Запада,² исследований же Румынии сравнительно немного. Однако Румыния стала важной лабораторией для российских информационных операций. Будучи членом НАТО и Европейского Союза, находясь при этом в исторической, культурной и географической сфере влияния России, Румыния даёт нам уникальную возможность для изучения информационных стратегий Москвы в отношении стран этого спорного геополитического региона.

В статье рассмотрены три основных вопроса: (1) Какова схема российских операций дезинформации в Румынии? (2) Какие уязвимости информационной системы Румынии используются? И (3) Как могут развиваться эти операции, и как они могут быть перенесены в Молдову и Грузию при различных возможных политических сценариях будущего России? На основе этих вопросов в исследовании разработаны прогностические модели для прогнозирования закономерностей эволюции российских информационных операций на более широком постсоветском пространстве и в Восточной Европе.

Информационная война как стратегическая коммуникация

Современные методы российской дезинформации рассмотрены с точки зрения теории стратегической коммуникации и информационной войны. В данной статье используется определение стратегической коммуникации, предложенное Халлаханом, согласно которому, стратегическая коммуникация – это целенаправленное использование коммуникации организацией

¹ Peter Pomerantsev, *Nothing Is True and Everything Is Possible: The Surreal Heart of the New Russia* (New York: PublicAffairs, 2014).

² См., например, Ivo Juurvee, Māris Cepurītis, Ieva Bērziņa, Diana Kaljula, *Russia's Footprint in the Nordic-Baltic Information Environment 2016/2017* (Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2018), <https://stratcomcoe.org/publications/russias-footprint-in-the-nordic-baltic-information-environment-20162017/138>.

для достижения своих целей.³ Исследуя понимание этой концепции применительно к государственным и квазигосударственным игрокам в Москве, данная статья ставит целью определить, как Москва может целенаправленно использовать коммуникативные средства для достижения внешнеполитических целей. Исследование показывает, что в рамках парадигмы информационной войны стратегическая коммуникация выходит за рамки традиционной публичной дипломатии, охватывая не только психологические операции, но также обман и пропаганду. Лукас и Померанцев⁴ выдвигают теорию, согласно которой современная информационная война России представляет собой продвинутый гибрид активных мер, разработанных в советскую эпоху, и современных цифровых медиа и платформ – они называют его новой информационной войной. Это явление характеризуется многодоменными, многомерными, многовекторными кампаниями, использующими слабые стороны целевых обществ, причём российское государство может отрицать свою причастность к этому. Теоретический обзор обеспечивает контекст для анализа действий России в Румынии и показывает, что действия Москвы не являются случайными или единичными акциями, но представляют собой часть общей стратегии информационной войны России.

Гибридная война и информационная сфера

В современной научной литературе, посвящённой российской военной стратегии, отмечается, что концепция гибридной войны служит основой для понимания информационных операций Москвы как неотъемлемого компонента ведения войны, равноценного другим инструментам воздействия. По определению Хоффмана,⁵ гибридная война подразумевает целенаправленное применение различных силовых инструментов – обычных, нерегулярных, политических, экономических, информационных – для достижения стратегических целей. В этой комплексной структуре информационные операции играют центральную роль: они применяются как самостоятельно, так и в сочетании с другими инструментами государственной политики.

Связь информационных операций с общей стратегией России легче понять, исходя из концепции, которую разработал Галлеотти, но которая затем получила название «доктрины Герасимова», с дальнейшими уточнениями. Ранняя интерпретация Галлеотти стратегических документов России –

³ Kirk Hallahan, Derina Holtzhausen, Betteke van Ruler, Dejan Verčič, Krishnamurthy Sriramesh, "Defining Strategic Communication," *International Journal of Strategic Communication* 1, no. 1 (2007): 3-35, <https://doi.org/10.1080/15531180701285244>.

⁴ Edward Lucas, Peter Pomerantsev, "Winning the Information War: Techniques and Counter-Strategies to Russian Propaganda in Central and Eastern Europe," Center for European Policy Analysis, 2016, <https://cepa.org/comprehensive-reports/winning-the-information-war/>.

⁵ Frank G. Hoffman, *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars* (Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007), https://potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf.

известная сейчас, как «доктрина Герасимова» — полезна для понимания того, как информационные операции вписываются в общий подход России к конфликтам.⁶ Хотя Галеотти впоследствии уточнил, что официально такой доктрины не существует, и сам термин вызывает споры, эта дискуссия подчёркивает важный аналитический момент: современная российская стратегия целенаправленно объединяет военные и невоенные инструменты, размывая границу между войной и миром. В этой структуре информационные операции являются не второстепенным, а центральным компонентом общей методики стратегического соперничества для России.

Теория рефлексивного управления

Помимо стратегической коммуникации и теории гибридной войны, третьей концептуальной темой современных исследований информационной войны является теория рефлексивного управления, которая уникальна для России и требует подробного рассмотрения. Рефлексивное управление подразумевает передачу надлежащим образом скомпонованной информации партнёру или противнику с целью убедить его добровольно принять predetermined решение, желательное для инициатора.⁷ Эта концепция, рождённая советской военной наукой и получившая развитие в современном российском дискурсе о стратегии, представляет собой особый взгляд России на психологические и когнитивные аспекты информационных операций. Применение теории рефлексивного управления к российской кампании в Румынии позволяет понять, почему кампании дезинформации могут планироваться не только для распространения ложной информации, но и для воздействия на механизмы принятия решений целевой аудиторией в стратегических интересах России. Этот подход особенно важен для понимания операций, которые в противном случае могут показаться нелогичными или парадоксальными с точки зрения западного стратегического мышления.

Методика

Исследование основано на общедоступных данных, включая публикации в социальных сетях, новости и отчёты правительственных и неправительственных организаций, и раскрывает динамику дезинформации в Румынии. Результаты показывают, что бразильские и российские инициаторы активи-

⁶ Mark Galeotti, "The Mythical 'Gerasimov Doctrine' and the Language of Threat," *Critical Studies on Security* 7, no. 2 (2019): 157-161, <https://doi.org/10.1080/21624887.2018.1441623>.

⁷ Timothy Thomas, "Russia's Reflexive Control Theory and the Military," *The Journal of Slavic Military Studies* 17, no. 2 (2004): 237-256, <https://doi.org/10.1080/13518040490450529>; John Merriam, "Diagnosing and Countering Russian Reflexive Control," *The Journal of Slavic Military Studies* 36, no. 1 (2023): 1-27, <https://doi.org/10.1080/13518046.2023.2201113>; Larissa Doroshenko, Josephine Lukito, "Trollfare: Russia's Disinformation Campaign During Military Conflict in Ukraine," *International Journal of Communication* 15 (2021): 4662-4689, <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/16895>.

зировали распространение манипулятивного контента параллельно с ключевыми геополитическими событиями, такими, как аннексия Россией Крыма и введение международных санкций против неё. Эти кампании характеризовались повторением сюжетов, фокусирующихся на антиевропейских настроениях, этнической напряженности и недоверии населения к авторитету государственных институтов. Понимание этой динамики в более широком геополитическом контексте обнаруживает координацию и взаимодействие между исходящими от Кремля нарративами и местными симпатиями. Эта модель демонстрирует, что в информационной войне Россия стремится как влиять на конкретные политические дискуссии, когда это ей выгодно, так и в более широком смысле подрывать единство общества и ослаблять демократические институты. Во многих случаях последнее – длительная дестабилизация – является долгосрочной стратегической целью.

Сбор данных

В исследовании использовались первоисточники, включая российские материалы, предназначенные для румынской аудитории, а именно репортажи таких СМИ, как RT и Sputnik, а также аккаунты в соцсетях, которые, по данным румынских служб безопасности, были задействованы в информационных операциях России против Румынии. В исследовании также использовались вторичные источники, включая отчёты румынских служб безопасности, неправительственных аналитических центров и научных учреждений, охватывавшие различные элементы дезинформационных кампаний России. Наконец, в рамках исследования был проведён компьютерный анализ практик использования соцсетей, позволивший отследить распространение определённых дезинформационных нарративов в румынских электронных СМИ.

Структура анализа

Анализ массива данных проходил в три этапа. Эти этапы включали: анализ нарративов – выявление ключевых нарративов российских дезинформационных кампаний против Румынии; схематическое представление уязвимостей – определение существующих культурных и политических уязвимостей, а также слабых мест медиасистемы, используемых в этих операциях; и наконец, сравнительный анализ – сопоставление уязвимостей Румынии с уязвимостями Молдовы и Грузии в рамках систематической работы по разработке прогностических моделей.

Прогностическое моделирование

Анализ последних действий России на территории Румынии, а также сравнительный анализ уязвимостей Молдовы и Грузии позволил выявить несколько заметных тенденций, которые могут быть использованы для прогнозирования будущих информационных операций Кремля. Для чёткости анализа мы постулируем три сценария:

1. *Сценарий преемственности* – Россия остаётся под контролем нынешнего политического руководства и продолжает реализовывать свои стратегические приоритеты без существенных изменений в методах ведения информационной войны.
2. *Сценарий эскалации* – Россия становится более агрессивной в своей внешней политике и выделяет дополнительные ресурсы на механизмы информационной войны. Кроме того, Москва может начать действовать более агрессивно против Молдовы и Грузии.
3. *Сценарий деэскалации* – Политические изменения в России приводят к снижению конфронтационности форм информационной войны, что ослабляет давление на Молдову и Грузию.

В совокупности эти сценарии обеспечивают концептуальную базу, исходя из которой можно прогнозировать гипотетическую эволюцию российских информационных операций в Молдове и Грузии, причём опыт Румынии служит примером для проверки этих прогнозов.

Российские операции дезинформации в Румынии, их схемы и используемые слабые места

Очевидной мишенью информационной активности России Румынию делает целый ряд геостратегических причин. Географически Румыния занимает стратегически важное положение на Чёрном море, по соседству как с союзниками по НАТО, так и с Россией. Её близость к Молдове, которую Москва считает центральным элементом своей стратегии в ближнем зарубежье, ещё больше повышает значимость Румынии для безопасности региона. Такая географическая конфигурация усложняет попытки Москвы утвердить своё влияние в более широком Черноморском регионе. Кроме того, географическая близость Румынии к России искушает Москву влиять на политику западных институтов.

Исторически, Румыния является примером коммунистической страны, которая пережила правление Чаушеску, сохраняя определенную автономию по отношению к Москве. Это наследие независимого мышления до сих пор во многом определяет румынскую политику и общество, усложняя нынешние планы России.

После 2014 года значение Румынии для восточных рубежей НАТО и энергетической политики в Черноморском регионе возросло, что следует рассматривать в контексте НАТО в целом. Эти тенденции отмечались и ранее, но в 2014 году произошёл очевидный сдвиг в характере информационной войны Москвы против Бухареста.

Тщательный анализ дезинформационных кампаний позволяет выявить несколько преобладающих групп нарративов и функциональных моделей, а именно: семейные нарративы, военные дискурсы, и цивилизационные дискурсы. Семейные нарративы апеллируют к родственным связям, в частности, акцентируя на общих культурных достижениях или утверждениях,

будто румыны предадут своих славянских «братьев». Военные дискурсы изображают Россию естественным партнёром Румынии в сфере безопасности, в силу якобы общих славянских корней, одновременно представляя НАТО дестабилизирующим общеевропейским проектом. Цивилизационные дискурсы продвигают мысль о том, что Румыния культурно и исторически является славянской нацией, а её ориентация на Европу началась лишь при Чаушеску. Повторение этих схем в различных темах демонстрирует как стабильность, так и гибкость доктрины информационной войны Москвы в отношении Румынии.

Нарративы, направленные против НАТО и на эрозию суверенитета

В более широком контексте изучения современной румынской политики преобладает нарратив о членстве в НАТО, как принципиально враждебном суверенитету и национальным интересам Румынии. Ключевые аспекты этой темы очевидны как в социальных сетях, так и в ведущих СМИ; в частности, утверждается, что, построив оборонный объект в Девеселу, НАТО вольно или невольно превратила Румынию в мишень для России.⁸ Эти СМИ упорно называют постоянное военное присутствие НАТО в Румынии оккупацией, а не коллективной обороной, и говорят о наличии неких секретных протоколов НАТО, повлиявших на политические решения и вынудивших Румынию согласиться на размещение войск.

Эти меседжи опираются на стратегический исторический дискурс, акцентируя на исторической опасности вмешательства великих держав в Румынии и возможной потере суверенитета. Такие меседжи также чётко нацелены на националистическую и интернационалистскую аудиторию, согласно подходу Бжолы и Паммента⁹ – адаптации нарратива к аудитории.

Исторический реваншизм и спекуляции на самосознании

Вторая группа нарративов касается исторического реваншизма, который направлен, с одной стороны, на углубление разногласий Румынии с соседними государствами, а с другой – на продвижение более выгодной интерпретации исторических событий, связанных с Россией/СССР. Эти нарративы преследуют различные взаимодополняющие цели, включая оправдание со-

⁸ James Thomas, "Romania, NATO and Sham Accounts: Fake Euronews Content Persists Online," *Euronews*, August 19, 2025, www.euronews.com/my-europe/2025/08/19/romania-nato-and-sham-accounts-fake-euronews-content-persists-online; Cristina M. Arribas et al., "Information Manipulation and Historical Revisionism: Russian Disinformation and Foreign Interference Through Manipulated History-Based Narratives," *Open Research Europe* (2023), 3:121, <https://doi.org/10.12688/openreseurope.16087.1>; Christina Harward, "Likely Kremlin-Backed Election Interference Against Romania Threatens Bucharest's Continued Support for Ukraine and NATO," *Institute for the Study of War*, December 6, 2024, <https://understanddingwar.org/research/russia-ukraine/likely-kremlin-backed-election-interference-against-romania-threatens-bucharests-continued-support-for-ukraine-and-nato/>.

⁹ Corneliu Bjola, James Pamment, eds., *Countering Online Propaganda and Extremism: The Dark Side of Digital Diplomacy* (New York: Routledge, 2019).

ветской аннексии Северной Буковины и Бессарабии, повышенное внимание к румынскому фашизму и антисемитизму, разжигание вражды с Венгрией из-за Трансильвании и сохранение раскола в Румынии по этническим линиям.

Используемые при этом стратегии основаны на том, что Аппельбаум¹⁰ называет «пробелами в памяти» в посткоммунистических обществах — использование незаживших исторических ран и вопросов самосознания для углубления разногласий в обществе и размывания целостных национальных нарративов, которые в ином случае могли бы способствовать евроатлантической интеграции.

Энергозависимость и экономическая уязвимость

Третья группа нарративов касается энергетической политики Румынии и её экономической уязвимости, включая противодействие разработке запасов природного газа в Чёрном море. Эти нарративы подчеркивают якобы безальтернативную зависимость от российского газа, преувеличивают экономические издержки сближения с западными институтами и разрыва с Россией, а также изображают коррупцию неотъемлемой частью западной демократии. Как отмечают Ренц и Смит, российские информационные операции часто направлены на формирование стратегического мышления путём манипулятивных представлений о критической инфраструктуре и энергетической безопасности именно с помощью таких нарративов.¹¹

Направления работы и применяемые технологии

Российские дезинформационные операции в Румынии осуществляются по нескольким направлениям, при глубоком понимании румынской медиасистемы.

Непосредственные операции российских государственных СМИ. Информационное агентство Sputnik Romania работает с 2016 года и, пожалуй, является главным инструментом прямого информационного влияния России в информационном пространстве Румынии и Молдовы. Глубокий анализ его материалов показывает, что агентство использует тщательно продуманные нарративы, избегая открыто пророссийской позиции и предпочитая антизападную риторику, строящуюся на идее суверенитета, которая, видимо, больше соответствует румынским национальным настроениям.

Марионеточные СМИ и «разгон» в сетях. Непосредственную медиаактивность Москвы в Румынии дополняют стратегические инвестиции в подконтрольные СМИ, которые позиционируют себя как независимые, но распространяют нарративы, соответствующие целям России. Спектр таких СМИ варьирует от националистических веб-сайтов с непрозрачным финансиро-

¹⁰ Anne Applebaum, *Red Famine: Stalin's War on Ukraine* (New York: Doubleday, 2017).

¹¹ Bettina Renz, Hanna Smith, "Russia and Hybrid Warfare – Going Beyond the Label," *Aleksanteri Papers* No. 1/2016 (Helsinki: Kikimora Publications, University of Helsinki, 2016), <http://hdl.handle.net/10138/175291>.

ванием до платформ «альтернативных новостей», основной контент которых тяготеет к теориям заговора. Последние компьютерные исследования подтверждают, что подобные явления касаются соцсетей, распространяющих явно недостоверную информацию.¹²

По сути, мы наблюдаем практическую реализацию модели так называемой «информационной прачечной», при которой нарративы из российских источников проходят через якобы независимые каналы третьих сторон, тем самым приобретая ореол коллективной легитимности и большой резонанс среди целевых групп населения.¹³

Использование связи православных церквей. Российское влияние в Румынии всегда опиралось на связи православных церквей, несмотря на давний автокефальный статус Румынской православной церкви. Можно выделить три основные тенденции: рост числа консервативных религиозных лидеров, публично противостоящих западным культурным ценностям; распространение дискурса о православных традициях как общей цивилизационной основе; и использование церковных сетей для распространения политизированного контента. В целом, эти методы представляют собой то, что

¹² См. обзоры деятельности российских государственных СМИ в Румынии (например, Sputnik Romania) и их нарративы в отчётах и расследованиях для отдельных стран. Подробную структуру румыноязычных марионеточных СМИ, конкретных ботов и операторов см. в расследовании Context.ro «Rețeaua minciunilor», международном исследовании Firehose of Falsehood и журналистских расследованиях деятельности AdNow/Matryoshka; тематические исследования, посвященные выборам, представлены в отчётах Reuters и анализе FPC; <https://context.ro/reteaua-minciunilor-cine-rasmandeste-propaganda-pro-kremlin-conspiratiile-si-dezinformatiile-in-romania>; Nicolas Quénel, “AdNow Exposed: How Romania Became a Test Lab for Russian Interference in the West,” *Intelligence Online*, December 3, 2025, www.intelligenceonline.com/europe-russia/2024/12/03/adnow-exposed-how-romania-became-a-test-lab-for-russian-interference-in-the-west%2C110347109-evl. См. также работы о вычислении скоординированного обмана и подставных лидеров общественного мнения. В этих исследованиях формализованы и эмпирически описаны виды скоординированного распространения дезинформации в национальных системах. Giuseppe Fenza et al., “Investigating Coordinated Inauthentic Behavior on Alternative Platforms During the 2024 U.S. Election”, в *Workshop Proceedings of the 19th International AAAI Conference on Web and Social Media*, June 5, 2025, https://workshop-proceedings.icwsm.org/pdf/2025_19.pdf; Monica Murero, “Coordinated Inauthentic Behavior: An Innovative Manipulation Tactic to Amplify COVID-19 Anti-vaccine Communication Outreach via Social Media,” *Frontiers in Sociology* 8 (2023), <https://doi.org/10.3389/fsoc.2023.1141416>; Matteo Cinelli et al. “Coordinated Inauthentic Behavior and Information Spreading on Twitter,” *Decision Support Systems* 160 (2022): 113819, <https://doi.org/10.1016/j.dss.2022.113819>.

¹³ “How the Kremlin Lauanders Disinformation around the Globe,” Centre for Information Resilience, May 15, 2024, <https://www.info-res.org/cir/articles/how-the-kremlin-lauanders-disinformation-around-the-globe/>; Belén Carrasco Rodríguez, *Information Laundering in the Nordic-Baltic Region* (Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, November 2020), <https://stratcomcoe.org/publications/information-laundering-in-the-nordic-baltic-region/26>.

Леустян¹⁴ называет мягкой религиозной силой российских операций влияния – подход, весьма успешный там, где церковные институты сохраняют высокий уровень доверия.

Используемые слабости в информационной системе Румынии

Эффективность российских операций дезинформации в Румынии обусловлена умелым использованием специфических уязвимостей румынской информационной системы.

Слабость медиарынка. После падения коммунизма система СМИ в Румынии пережила период либерализации, приведшей к концентрации собственности в руках политически ангажированных лиц, финансовой нестабильности независимых СМИ, ограничению финансирования журналистских расследований и заметному снижению качества общественного вещания.¹⁵ В этой связи Байоми-Лазар¹⁶ использует концепцию захвата СМИ, согласно которой новостные агентства в силу экономической зависимости становятся уязвимыми для внешнего контроля и избирательной трансляции желаемого контента в обмен на финансовую поддержку.

Пробелы в цифровой грамотности. В румынском обществе резкие различия в цифровой грамотности проистекают из множества факторов, включая географические особенности городских и сельских районов, возрастные группы, уровень образования и экономическое положение. Эти различия обуславливают различные риски дезинформации, поскольку люди с разным социальным статусом демонстрируют разный уровень критического мышления и анализа источников информации.¹⁷

Дефицит доверия к институтам. Посткоммунистические трансформации в Румынии породили долгосрочный дефицит доверия к институтам. По данным Transparency International за 2023 год, средний уровень доверия к государственным институтам составлял всего 28 %, доверие к традиционным СМИ с 2021 по 2023 год снизилось на 16 %, ¹⁸ румыны неизменно демонстрировали высокий уровень оценки коррупции. Это повышает воспри-

¹⁴ Lucian N. Leustean, ed., *Eastern Christianity and Politics in the Twenty-First Century* (New York: Routledge, 2018).

¹⁵ Alina Mungiu-Pippidi, *The Quest for Good Governance: How Societies Develop Control of Corruption* (Cambridge University Press, 2015); Irina Marica, "Romania Drops to 55th in 2025 World Press Freedom Index, US Also Falls to 57th," *Romania Insider*, May 2, 2025, <https://www.romania-insider.com/romania-press-freedom-index-2025>.

¹⁶ Péter Bajomi-Lázár, *Party Colonisation of the Media in Central and Eastern Europe* (Budapest-New York: Central European University Press, 2014).

¹⁷ Institutul Roman pentru Evaluare si Strategie (IRES), "Literația digitală în România: Studiu național, 2020."

¹⁸ Reuters Institute, "Digital News Report 2023," <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2023>.

имчивость к дезинформации,¹⁹ делая аудиторию склонной рассматривать альтернативные версии событий и сомневаться в доминирующих официальных нарративах и действиях.

Сравнительный анализ: Молдова и Грузия

Молдова и Грузия имеют общие с Румынией слабости, но также и особенности, способные повлиять на применение российских методов дезинформации, разработанных в румынской «лаборатории».

Молдова: особая уязвимость

В Республике Молдова румынские уязвимости ещё сильнее, главным образом из-за более глубокого влияния СМИ на русскоязычное население, более прочных исторических и языковых связей с Российской Федерацией, продолжающегося территориального конфликта в Приднестровье, более жёстких экономических условий, большей зависимости от энергоресурсов и большей политической поляризации, выражающейся в противостоянии прозападных и пророссийских фракций.²⁰ Более широкое русскоязычное медиапространство в Молдове также даёт Москве канал непосредственного влияния на общественное мнение без перевода. Кроме того, средства массовой информации, находящиеся под влиянием России, часто демонстрируют высокую оперативность. Память о царской и советской эпохе даёт культурные символы, которые легко использовать в информационных кампаниях России, а длительное присутствие российских миротворцев в Приднестровье, оккупирующего регион с 1992 года, обеспечивает Москве как физическое, так и психологическое влияние.

Кроме того, почти полная зависимость²¹ Молдовы от российского газа лишает страну альтернатив, а значит, повышает её уязвимость к информа-

¹⁹ W Lance Bennett, Steven Livingston, "The Disinformation Order: Disruptive Communication and the Decline of Democratic Institutions," *European Journal of Communication* 33, no. 2 (2018): 122-139, <https://doi.org/10.1177/0267323118760317>.

²⁰ Center for the Study of Democracy (CSD), "Russian Influence in the Media Sectors of the Black Sea Countries: Tools, Narratives and Policy Options for Building Resilience" (Sofia, Bulgaria: CSD, 2018), https://csd.eu/fileadmin/user_upload/publications_library/files/2018_09/Russian_Influence_in_the_Media_Sector_en.pdf; Interview with Iulian Groza, Executive Director of the Institute for European Policies and Reforms, "How Moldova Mobilises to Fight Russian Interference and Propaganda," Eastern Partnership Civil Society Forum, September 22, 2025, <https://eap-csf.eu/articles/how-moldova-mobilises-to-fight-russian-interference-and-propaganda>; "Russia's Disinformation Targets Moldova's Ties with Europe" (Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2024), www.usip.org/publications/2024/07/russias-disinformation-targets-moldovas-ties-europe; International Crisis Group, "Moldova Divided: Easing Tensions as Russia Meddles and Elections Approach," Crisis Group Europe Briefing N°97, August 21, 2024, <https://crisisgroup.org/sites/default/files/2024-09/b097-moldova-divided.pdf>.

²¹ International Energy Agency (IEA), "Moldova: Energy System of Moldova," 2023, www.iea.org/countries/moldova; "European Commission and Moldova Agree on a 2-

ционному воздействию в сфере энергетики (в то время как Румыния менее уязвима в этом отношении благодаря лишь частичной зависимости от российских энергоресурсов). Ещё одним усугубляющим фактором является поляризация проевропейских и пророссийских партий, между которыми наблюдается резкий контраст, что наиболее ярко проявилось на последних президентских и парламентских выборах.²² Это подпитывает классическую поляризацию, расширяя возможности для целенаправленного воздействия. В совокупности эти взаимосвязанные факторы можно назвать многомерной подверженностью, при которой дезинформационные нарративы гораздо легче найдут отклик и окажутся более эффективными, чем в Румынии.

Таким образом, Молдове свойственна так называемая комплексная уязвимость, обусловленная совокупностью многоуровневых факторов, формирующих повышенную чувствительность к внешнему влиянию.²³

Особый характер уязвимости в Грузии

У Грузии – свои проблемы. К ним относятся военное вторжение России в 2008 году; повышенная чувствительность населения к информационным угрозам Кремля; сравнительно сильные структуры гражданского общества, противодействующие дезинформации; норма о независимости СМИ; уникальные религиозные особенности Грузинской православной церкви; и нерешённые территориальные споры в Абхазии и Южной Осетии.

После русско-грузинской войны 2008 года, ставшей поворотным моментом, грузинское общество увидело в России угрозу безопасности и, соответственно, направило национальную информационную политику в новое русло. Исследователи, например, Канделаки,²⁴ называют этот период (2008-2012 гг.) периодом высокого осознания угроз практически во всех демографических группах. Это понимание привело к появлению передовых организаций, наиболее известными из которых являются Фонд развития СМИ и Грузинская ассоциация реформ (GRASS), занимающихся мониторин-

year Comprehensive Strategy for Energy Independence and Resilience and Immediate Support with the Energy Bills,” European Commission, February 4, 2025, https://enlargement.ec.europa.eu/news/european-commission-and-moldova-agree-2-year-comprehensive-strategy-energy-independence-and-2025-02-04_en; “Annual Implementation Report 2023 – Moldova Chapter,” Energy Community Secretariat, November 1, 2023, 70-81, https://www.energy-community.org/dam/jcr:3da7c4f8-ea23-4169-b1e9-66b0ed05fcb7/EnC_IR2023.pdf; World Bank, “Moldova – Country Economic Memorandum: Achieving the European Union’s Standard of Living within a Generation” (Washington, D.C.: World Bank Group, 2023), <http://documents.worldbank.org/curated/en/099112024082570311>.

²² International Crisis Group, “Moldova Divided: Easing Tensions.”

²³ Matthew Crandall, “Soft Security Threats and Small States: The Case of Estonia,” *Defence Studies* 14, no. 1 (2014): 30-55, <https://doi.org/10.1080/14702436.2014.890334>.

²⁴ Giorgi Kandelaki, “Georgia’s Experience in Countering Russian Disinformation,” East StratCom Task Force, 2017.

гом и противодействием российской пропаганде.²⁵ Эти организации характеризуются использованием современных методик и широкими образовательными кампаниями для населения, а также высоким уровнем участия граждан и экспертов.

Благодаря этому Грузия добилась значительного прогресса в обеспечении независимости редакций СМИ, особенно на телевидении, где регулярно звучат различные, конкурирующие точки зрения даже по вопросам геополитической важности.²⁶ Несмотря на теологическую общность Грузинской православной церкви с российской, её автокефалия восходит к V веку, и она периодически демонстрирует самостоятельность в религиозной дипломатии по отношению к Москве.²⁷ Это осложняет попытки России использовать православное самосознание в качестве рычага влияния. Однако наличие нерешённых территориальных проблем в Абхазии и Южной Осетии – регионах, фактически контролируемых Россией – остаётся постоянным источником слабости, особенно в дискуссиях о суверенитете и возможности евроатлантической интеграции.

Таким образом, Грузия в силу своего опыта демонстрирует парадоксальную реальность: она весьма стойка к российским информационным операциям, но при этом связана острыми уязвимостями нерешённого территориального статуса и глубоких религиозных связей.

Прогнозы эволюции деятельности на основе сценариев

Исследование уязвимости Румынии к дезинформации дополняется сравнительным анализом ситуации в Молдове и Грузии. Эти страны демонстрируют разные траектории распространения дезинформации, в силу иных приоритетов российского государства. В ситуации преемственности – при условии сохранения нынешнего российского политического руководства и его стратегической направленности – можно предположить отдельные, но

²⁵ “FactCheck Annual Report 2020,” Georgia’s Reforms Associates, <https://grass.org.ge/en/projects/factcheck-georgia>.

²⁶ Georgian National Communications Commission Annual Reports, www.coe.int/en/web/cybercrime/gncc-ge; Freedom House (Freedom on the Net / Freedom in the World 2024), <https://freedomhouse.org/report/freedom-net>; European Parliament & Commission Reports (Pre-2023), <https://www.europarl.europa.eu/committees/en/commission-reports/product-details/20240625CPU45442>; Media sustainability Index worsened in Georgia – IREX Survey; “Georgia: Vibrant Information Barometer,” https://www.irex.org/sites/default/files/VIBE_2024_Georgia.pdf.

²⁷ Isabella Wilkinson, Tamar Dekanosidze, “Georgia Must Bolster Resilience to Information Warfare,” Chatham House, March 14, 2022, www.chathamhouse.org/2022/03/georgia-must-bolster-resilience-information-warfare; Lasha Tughushi, Ana Meskhi, Guram Ananeishvili, “Georgia: Disinformation Resilience Index,” Media Development Foundation Prism UA, July 31, 2018, <https://prismua.org/en/english-georgia-disinformation-resilience-index/>; Vasil Sikharulidze, “Russian Influence Operations in Georgia: A Threat to Democracy and Regional Stability,” Foreign Policy Research Institute, March 13, 2025, www.fpri.org/article/2025/03/russian-influence-operations-in-georgia-a-threat-to-democracy-and-regional-stability/.

пересекающиеся пути развития информационных кампаний Кремля в этих двух странах.

Молдова

В Молдове будут усилены проверенные в Румынии нарративы об интеграции в НАТО/ЕС как угрозе суверенитету, представляя европейскую интеграцию посягательством на молдавскую культуру и традиционные ценности. Такие меседжи будут особенно нацелены на принцип нейтралитета, закреплённый в статье 11 Конституции Молдовы,²⁸ подавая любую форму оборонного сотрудничества с западными институтами как нарушение этого принципа. Энергетическая зависимость Молдовы от России станет больным местом; вероятно, последуют кампании против любых попыток Молдовы увеличить поставки газа в обход «Газпрома», а главным объектом дезинформации могут стать попытки поставить под сомнение эффективность или надёжность альтернативных маршрутов через Румынию.

В дополнение к откровенно пророссийским русскоязычным СМИ, Москва готова будет увеличить инвестиции во внешне независимые, но подконтрольные ей медиа. Вероятно, она будет развивать и укреплять цифровые СМИ на молдавском языке, которые имитируют независимую журналистику, но по важным вопросам тонко продвигают пророссийские нарративы. Эта двойственная медиа-среда, описанная Ниммо,²⁹ должна будет обеспечить распространение взаимодополняющих меседжей на различных платформах.

Важную роль также будет играть мощная риторика, направленная на разжигание розни и спекуляции на самосознании. Неоднозначность политического дискурса создала почву для разжигания вражды между населением, идентифицирующим себя как румынское, и населением, идентифицирующим себя как молдавское. Эту поляризацию усугубляет сложная языковая ситуация, где политические отношения между Румынией и Молдовой остаются спорной темой. Нерешённый спор о национальной идентичности создал уязвимость, которую враждебные силы используют для разжигания конфликта между теми, кто считает себя румынами, и теми, кто считает себя молдаванами. Эту поляризацию подпитывают продолжающиеся споры об официальном языке и деликатные политические отношения страны с Румынией. Кроме того, целенаправленное использование приднестровского конфликта, вероятно, и далее будет играть важную роль, включая предложения федерализации – выгодной российским интересам – как единственный возможный путь к реинтеграции, и одновременно разжигая сепаратистские настроения, когда это соответствует политическим интересам России.

²⁸ “Constitution of the Republic of Moldova,” Article 11, <https://codices.coe.int/codices/documents/constitution/4e21beda-fd19-4f64-b947-a9810b85f657>.

²⁹ Ben Nimmo, “Anatomy of an Info-War: How Russia’s Propaganda Machine Works, and How to Counter It,” *Stopfake*, May 19, 2015, <https://www.stopfake.org/en/anatomy-of-an-info-war-how-russia-s-propaganda-machine-works-and-how-to-counter-it/>.

Грузия

В Грузии румынскую антинатовскую программу могут адаптировать к местным условиям. В рамках этой программы возможно распространение утверждений о том, что война 2008 года показала, будто Запад никогда не защитит Грузию от российских интересов, что подрывает стремление страны к членству в НАТО. На самом деле нарративы российской дезинформации стратегически универсальны, включая нарратив о «предательстве», который уже успешно опробован в Румынии и в настоящее время адаптируется к грузинским реалиям. «Румынская антинатовская программа» напоминает нарратив о «подсадной утке» – проверенной психологической операции, направленной на деморализацию стран, стремящихся в НАТО.

Российские операции влияния продвигали специфический нарратив о Румынии, как своего рода «подсадной утке».

- *Нарратив:* цель этого нарратива – показать, что размещение западных военных объектов (включая компоненты системы противоракетной обороны в Девеселу) не делает Румынию безопаснее, а напротив, превращает страну в мишень, в то время как Запад не намерен реально её защищать.
- *Цель:* отвлечь население от НАТО, представив альянс не как щит, а как обузу, провоцирующую российскую агрессию, не гарантируя защиты.

Согласно прогнозу, этот психологический механизм будет «перенесён» в Грузию, но с использованием других аргументов.

- *Аргумент (война 2008 года):* Вместо гипотетических опасений (как в Румынии), пропагандисты в Грузии приводят русско-грузинскую войну 2008 года в качестве исторического «доказательства» предательства Запада. По их версии, Запад подталкивал Грузию к противостоянию с Россией, но не оказал военной помощи, когда российские танки вторглись на территорию страны.
- *Нынешнее воплощение:* Недавно эта теория заговора трансформировалась в концепцию «второго фронта», согласно которой Запад хочет открыть в Грузии второй фронт, чтобы отвлечь Россию от Украины, принеся Грузию в жертву.

Основой этого прогноза является стандартная российская военная доктрина «рефлексивного управления», предполагающая использование истории и обид объекта для манипулирования его решениями.

- *Почему это работает:* Увязывая нынешние обиды Украины (нарративы о том, что «Запад бросил Украину») с исторической обидой 2008 года, эта риторика создает модель, которая выглядит как закономерность: Запад использует малые народы в качестве марионеток, а затем выбрасывает их.

- *Желаемый результат*: Подобно тому, как румынский нарратив стремится нейтрализовать участие Румынии в НАТО, его грузинская адаптация направлена на подрыв стремления к членству, изображая его самоубийственным предприятием.

Основная стратегия этой кампании сосредоточена на теологической привязанности Грузии к православию и продвигает общие консервативные религиозные убеждения в противовес западным либеральным ценностям. Стратегические меседжи также будут включать исторические нарративы о периоде, когда Россия защищала Грузию, и преуменьшать проявления имперского господства, особенно в сложной истории XIX века, видевшей как защиту от османского вторжения, так и ликвидацию грузинского суверенитета. Они призваны убедить грузин в том, что российское господство было не завоеванием, а неизбежной платой за выживание.

Слабые места грузинской экономики включают доступ к российским рынкам, особенно экспорт вина, и денежные переводы от работающих в России грузин.³⁰ Эти меседжи делают акцент на опасениях закрытия таких рынков, если Грузия продолжит курс на сближение с Западом. Российские меседжи касательно Абхазии и Южной Осетии также сохраняются, продвигая идею, будто российская оккупация является единственной гарантией против возобновления конфликта, и предупреждая, что интеграция с Западом навсегда исключит любую возможность реинтеграции. В совокупности эти элементы целенаправленной конфронтации в рамках общей стратегии позволяют России сохранять постоянное давление, не провоцируя неизбежных ответных действий Запада. Более того, эта стратегическая риторика позволяет развивать нарративы в течение длительного времени, не вызывая ответной реакции общества или государственных структур, способных укрепить институциональную стойкость в указанных государствах.

³⁰ Экспорт вина в Россию (стоимость и доля рынка) – Факты: (1) На Россию приходится 65 % экспорта грузинского вина (самый высокий показатель с 2005 года) на сумму 168 млн. дол. в 2023 году. (2) В 2024 году эта зависимость сохранилась, а поставки вина в Россию выросли на 8,5 %, до 182,6 млн. дол. Источник: “TI Report on Georgia’s Economic Dependence on Russia in 2023,” Civil Georgia, February 16, 2024, <https://civil.ge/archives/582712>; “Georgian Exports to Russia Up 3.7% in 2024, Wine Supplies Increase 8.5%,” *Interfax*, January 20, 2025, <https://interfax.com/news/room/top-stories/109257/>. Денежные переводы из России – факты: (1) В 2023 году объём денежных переводов из России в Грузию составил 1,5 млрд. дол., что сделало их главным источником иностранной валюты; (2) В 2024 году эта сумма снизилась до 541 млн. дол. (3-е место после США и Италии), но она по-прежнему остается важным экономическим фактором. Источники: Natiko Taktakishvili, “Statistics of Remittance System for 2024,” *Business Media*, January 16, 2025, <https://bm.ge/en/news/statistics-of-remittance-system-for-2024>; “NBG: Money transfers from Russia decreased by 64.6% in 2024,” *1TV* (Georgian Public Broadcaster), January 15, 2025, <https://1tv.ge/lang/en/news/nbg-money-transfers-from-russia-decreased-by-64-6-in-2024/>.

Сценарий эскалации: активизация агрессии

При сценарии эскалации, с более агрессивной внешней политикой России и дополнительным финансированием информационной войны, исследования указывают на активизацию конфронтационных информационных кампаний в Молдове и Грузии.

Молдова

В Молдове это примет форму открытой угрозы легитимности государства, включая масштабную кампанию дезинформации, прямо угрожающую конституционности прозападных правительств путём обвинений в фальсификации выборов, коррупции или иностранном влиянии, что выйдет за рамки обычной политической критики, будучи прямым посягательством на институциональную легитимность государства. Такая дезинформационная кампания может включать провокации с целью тестирования пределов поддержки Запада: выборочные утечки информации или даже сфабрикованные документы могут создать дипломатические инциденты, которые вынудят власти Молдовы и западных партнёров реагировать, что продемонстрирует ограниченность иностранных обязательств по отношению к суверенитету Молдовы.

Наше исследование также предполагает, что Россия будет провоцировать информационные кризисы, требующие внешнего вмешательства. Манипулятивная дезинформация может вызвать панику среди населения – а значит, и власти – по поводу энергетической безопасности или стабильности банковской системы, что вынудит просить о срочной внешней помощи и обнажит зависимость Молдовы. Кроме того, планы проведения «референдумов о суверенитете» на таких территориях, как Гагаузия и Тараклия, аналогично крымскому, возродят сепаратистские настроения среди населения и фактически создадут ситуации, которые международным наблюдателям будет сложно удерживать. Такие референдумы об автономии могут быть поддержаны синхронными кампаниями информационного и экономического давления, где дезинформацию дополняют реальные экономические меры – включая выборочные ограничения импорта, контроль цен на энергоносители или регулирование денежных переводов – для максимального давления на власти.

Грузия

В Грузии сценарий эскалации приведёт к делегитимизации демократических институтов, а также к распространению дезинформации, направленных на подрыв избирательных процессов, судебной системы и организаций гражданского общества, с целью снижения доверия к демократическому развитию Грузии в стране и за рубежом. Действия России, вероятно, будут также включать информационные операции на сепаратистских территориях, например, провокацию пограничных инцидентов, случаи якобы нарушений прав российских граждан или обвинения Грузии в подготовке к

войне, что приведёт к кризисам, требующим от России «защитных» мер. Такие операции могут сопровождаться усилением антизападной риторики, напрямую увязывающей проблемы безопасности Грузии с расширением НАТО – представляя территориальные потери Грузии логическим результатом западной политики безопасности и позиционируя Россию как единственного гаранта безопасности. Кроме того, Москва может запустить синхронизированные кибернетические и информационные кампании против критической инфраструктуры, сочетая дезинформацию с нарушением работы энергетики, транспорта и связи, тем самым вызывая множественные кризисы безопасности, подрывающие доверие к дееспособности государства.

Наконец, российские операции дезинформации, вероятно, будут использовать любую нерешительность или непоследовательность западной поддержки, оперативно распространяя и выявляя любые противоречивые политические решения или условия оказания помощи со стороны НАТО или Европейского Союза, чтобы показать, что Грузии нельзя полагаться на верность Запада. Такая ситуация служит проявлением отмеченного Снеговой³¹ феномена «эскалационной информационной конфронтации» на предконфликтном этапе действий России в Украине: активизация информационной войны готовит общественное мнение и создаёт предлог для военного вторжения. В то же время она изображает поддержку Запада чисто символической и неэффективной.

Сценарий деэскалации: адаптация тактики

Согласно результатам проведенных в Румынии исследований, если Россия утратит интерес к информационной конфронтации, Москва существенно скорректирует свои информационные операции в Молдове и Грузии.

Молдова

Румынское исследование указывает на то, что произойдёт сдвиг в авторитарном дискурсе в сторону подходов, ориентированных на экономическое и культурное влияние. Меседжи Кремля будут исходить из исторической экономической взаимозависимости и культурной близости, чтобы Россия не выглядела источником угроз суверенитету Молдовы. Вместо оргстроительства на высшем уровне, акцент информационных операций сместится на практические формы сотрудничества и «общие интересы», продвигая двусторонние решения таких региональных проблем, как миграция, охрана окружающей среды и международная преступность, и позиционируя Россию как желанного партнёра, а не врага.

³¹ Maria Snegovaya, "Putin's Information Warfare in Ukraine: Soviet Origins of Russia's Hybrid Warfare," Institute for the Study of War, 2015, <https://understandingwar.org/research/russia-ukraine/putins-information-warfare-in-ukraine-soviet-origins-of-russias-hybrid-warfare-2/>.

Но при усилении примирительных нот, слабости, связанные с национальной идентичностью, скорее всего, будут использоваться ещё активнее. Меседжи, касающиеся стремления Молдовы к вступлению в Европейский Союз, теперь будут акцентировать на молдавской идентичности и близости к России, а не на интеграции с Румынией. Стратегия Москвы сочетает антизападную риторику с экономическим «пряником». Снижая уровень открытой враждебности, она будет противопоставлять «финансовое бремя» Запада реальным преимуществам партнёрства с Россией, таким, как выгодные торговые соглашения, инвестиционные проекты и доступ к рынку труда для трудовых мигрантов.

Грузия

Если Россия деэскалирует свою нынешнюю активность, направленность нарративов примирения, вероятно, изменится. Кремль, скорее всего, переосмыслит прошлые противоречия в рамках диалога и практического взаимодействия, не выдвигая предварительных условий в отношении суверенитета или территории. Российская риторика сосредоточится на экономических возможностях, подчеркивая реальные выгоды от возобновления торговли, туризма и инвестиций, отдавая приоритет экономическим выгодам над геополитической близостью. Продвижение общей православной культуры и наследия – религиозный туризм, фильмы, выставки – будет контрастировать с уменьшением внимания к территориальным конфликтам и вопросам безопасности. Кроме того, Москва могла бы предложить своего рода компромисс, продвигая мысль о том, что Россия не исключает Европу, а наоборот, предлагает особую модель евразийского развития, которая сохранит больше суверенитета и традиций Грузии, чем полная интеграция с Западом.

В вопросах региональной безопасности Россия будет продвигать выборочное сотрудничество. Москва попытается укрепить свой имидж гаранта безопасности, пропагандируя совместную борьбу с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, ликвидацию последствий стихийных бедствий и проводя информационные кампании, но не решая эти проблемы на спорных территориях. Цыганков³² рассматривает этот сдвиг в политике России как пример стратегической гибкости, когда Кремль перестраивает стратегии влияния для достижения стратегических целей, используя менее конфронтационные варианты, но не поступаясь базовыми стратегическими интересами. Россия считает такую позицию более эффективной для влияния на действия государств, при этом она с меньшей вероятностью вызовет ответные меры Запада или спровоцирует дальнейшую внешнюю помощь.

³² Andrei P. Tsygankov, "The Sources of Russia's Fear of NATO," *Communist and Post-Communist Studies* 51, no. 2 (2018): 101-111, <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.04.002>.

Заключение

В статье рассмотрены российские кампании дезинформации в Румынии как тестирование потенциальной стратегии дезинформации Кремля в Молдове и Грузии. Румыния стала своего рода лабораторией российской информационной войны, тщательно спланированной с учётом конкретных слабостей румынского информационного пространства.

Сравнительный анализ современных информационных операций в двух постсоветских странах – Молдове и Грузии – позволил выявить сильную, но не одинаковую восприимчивость к нарративам Москвы, эффективность которых зависит от конкретной ситуации. Если применить опыт Румынии к каждой из этих стран, становится очевидным, что для Молдовы известные методы несут серьёзные риски. Грузия же требует более тонкого анализа, учитывающего её специфику. В статье анализируются потенциальные направления эскалации и деэскалации российских дезинформационных кампаний в обеих странах, прогнозируется вероятная последовательность действий.

Анализ объединяет теорию и практику, демонстрируя, что эффективные контрмеры должны включать не только ликвидацию последствий дезинформации, но и шаги по устранению глубинных структурных недостатков, которые делают общества уязвимыми к опробованным стратегиям информационной войны. Поэтому будущие исследования должны быть посвящены эмпирической проверке предложенных здесь прогностических моделей, долгосрочному мониторингу изменений в тактике между лабораторией и реальной ситуацией в конкретной стране, а также сравнительной оценке эффективности различных контрмер в разных условиях уязвимости. Эти мероприятия должны повысить как научное понимание процессов информационной войны, так и способность демократических правительств и мирового сообщества ограничить их негативные последствия.

Примечание

Мнения, выводы, заключения и рекомендации в данной публикации принадлежат автору и могут не отражать официальную политику или позицию Консорциума «Партнёрство ради мира», организаций-участниц и любых правительственных или международных организаций, связанных с его руководящими структурами.

Об авторе

Кхьяти Сингх – научная сотрудница Центра Северной Америки и стратегических технологий в Институте оборонных исследований и анализа, Дели, Индия. Является докторанткой Центра изучения Америки Школы международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру.
<https://orcid.org/0000-0002-9784-2727>

Библиография

- “Annual Implementation Report 2023 – Moldova Chapter,” Energy Community Secretariat, November 1, 2023, https://www.energy-community.org/dam/jcr:3da7c4f8-ea23-4169-b1e9-66b0ed05fcb7/EnC_IR2023.pdf.
- “Constitution of the Republic of Moldova,” Article 11, <https://codices.coe.int/codices/documents/constitution/4e21beda-fd19-4f64-b947-a9810b85f657>.
- “European Commission and Moldova Agree on a 2-year Comprehensive Strategy for Energy Independence and Resilience and Immediate Support with the Energy Bills,” European Commission, February 4, 2025, https://enlargement.ec.europa.eu/news/european-commission-and-moldova-agree-2-year-comprehensive-strategy-energy-independence-and-2025-02-04_en.
- “FactCheck Annual Report 2020,” Georgia’s Reforms Associates GRASS, <https://grass.org.ge/en/projects/factcheck-georgia>.
- “Freedom on the Net,” Freedom House, <https://freedomhouse.org/report/freedom-net>.
- “Georgia: Vibrant Information Barometer,” https://www.irex.org/sites/default/files/VIBE_2024_Georgia.pdf.
- “Georgian Exports to Russia Up 3.7% in 2024, Wine Supplies Increase 8.5%,” *Interfax*, January 20, 2025, <https://interfax.com/newsroom/top-stories/109257/>.
- “How Moldova Mobilises to Fight Russian Interference and Propaganda,” Eastern Partnership Civil Society Forum, September 22, 2025, <https://eap-csf.eu/articles/how-moldova-mobilises-to-fight-russian-interference-and-propaganda/>.
- “How the Kremlin Launders Disinformation around the Globe,” Centre for Information Resilience, May 15, 2024, <https://www.info-res.org/cir/articles/how-the-kremlin-launders-disinformation-around-the-globe/>.
- “Moldova – Country Economic Memorandum: Achieving the European Union’s Standard of Living within a Generation” (Washington, D.C.: World Bank Group, 2023), <http://documents.worldbank.org/curated/en/099112024082570311>.
- “Moldova: Energy System of Moldova,” International Energy Agency, 2023, <https://www.iea.org/countries/moldova>.
- “NBG: Money transfers from Russia decreased by 64.6% in 2024,” 1TV (Georgian Public Broadcaster), January 15, 2025, <https://1tv.ge/lang/en/news/nbg-money-transfers-from-russia-decreased-by-64-6-in-2024/>.
- “Russia’s Disinformation Targets Moldova’s Ties with Europe” (Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2024), <https://www.usip.org/publications/2024/07/russias-disinformation-targets-moldovas-ties-europe>.

- "TI Report on Georgia's Economic Dependence on Russia in 2023," Civil Georgia, February 16, 2004; <https://civil.ge/archives/582712>.
- Applebaum, Anne, *Red Famine: Stalin's War on Ukraine* (New York: Doubleday, 2017).
- Arribas, Cristina M., et al., "Information Manipulation and Historical Revisionism: Russian Disinformation and Foreign Interference Through Manipulated History-Based Narratives," *Open Research Europe* (2023), 3:121, <https://doi.org/10.12688/openreseurope.16087.1>.
- Bajomi-Lázár, Péter, *Party Colonisation of the Media in Central and Eastern Europe* (Budapest-New York: Central European University Press, 2014).
- Bennett, W Lance, and Steven Livingston, "The Disinformation Order: Disruptive Communication and the Decline of Democratic Institutions," *European Journal of Communication* 33, no. 2 (2018): 122-139, <https://doi.org/10.1177/0267323118760317>.
- Bjola, Corneliu, and James Pamment, eds., *Countering Online Propaganda and Extremism: The Dark Side of Digital Diplomacy* (New York: Routledge, 2019).
- Center for the Study of Democracy, *Russian Influence in the Media Sectors of the Black Sea Countries: Tools, Narratives and Policy Options for Building Resilience* (Sofia, Bulgaria: CSD, 2018), https://csd.eu/fileadmin/user_upload/publications_library/files/2018_09/Russian_Influence_in_the_Media_Sector_en.pdf.
- Cinelli, Matteo, et al. "Coordinated Inauthentic Behavior and Information Spreading on Twitter," *Decision Support Systems* 160 (2022): 113819, <https://doi.org/10.1016/j.dss.2022.113819>.
- Crandall, Matthew, "Soft Security Threats and Small States: The Case of Estonia," *Defence Studies* 14, no. 1 (2014): 30-55, <https://doi.org/10.1080/14702436.2014.890334>.
- Doroshenko, Larissa, and Josephine Lukito, "Trollfare: Russia's Disinformation Campaign During Military Conflict in Ukraine," *International Journal of Communication* 15 (2021): 4662-4689, <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/16895>.
- Fenza, Giuseppe, et al., "Investigating Coordinated Inauthentic Behavior on Alternative Platforms During the 2024 U.S. Election," in *Workshop Proceedings of the 19th International AAAI Conference on Web and Social Media*, June 5, 2025, https://workshop-proceedings.icwsm.org/pdf/2025_19.pdf.
- Galeotti, Mark, "The Mythical 'Gerasimov Doctrine' and the Language of Threat," *Critical Studies on Security* 7, no. 2 (2019): 157-161, <https://doi.org/10.1080/21624887.2018.1441623>.
- Hallahan, Kirk, Derina Holtzhausen, Betteke van Ruler, Dejan Verčič, and Krishnamurthy Sriramesh, "Defining Strategic Communication," *International Journal of*

Strategic Communication 1, no. 1 (2007): 3-35, <https://doi.org/10.1080/15531180701285244>.

Harward, Christina, "Likely Kremlin-Backed Election Interference Against Romania Threatens Bucharest's Continued Support for Ukraine and NATO," Institute for the Study of War, December 6, 2024, <https://understandingwar.org/research/russia-ukraine/likely-kremlin-backed-election-interference-against-romania-threatens-bucharests-continued-support-for-ukraine-and-nato/>.

Hoffman, Frank G., *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars* (Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007), https://potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf.

International Crisis Group, "Moldova Divided: Easing Tensions as Russia Meddles and Elections Approach," *Crisis Group Europe Briefing* no. 97, August 21, 2024, <https://crisisgroup.org/sites/default/files/2024-09/b097-moldova-divided.pdf>.

Juurvee, Ivo, Māris Cepurītis, Ieva Bērziņa, and Diana Kaljula, *Russia's Footprint in the Nordic-Baltic Information Environment 2016/2017* (Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2018), <https://stratcomcoe.org/publications/russias-footprint-in-the-nordic-baltic-information-environment-20162017/138>.

Kandelaki, Giorgi, "Georgia's Experience in Countering Russian Disinformation," East StratCom Task Force, 2017.

Leustean, Lucian N., ed., *Eastern Christianity and Politics in the Twenty-First Century* (New York: Routledge, 2018).

Lucas, Edward, and Peter Pomerantsev, "Winning the Information War: Techniques and Counter-Strategies to Russian Propaganda in Central and Eastern Europe," Center for European Policy Analysis, 2016, <https://cepa.org/comprehensive-reports/winning-the-information-war/>.

Marica, Irina, "Romania Drops to 55th in 2025 World Press Freedom Index, US Also Falls to 57th," *Romania Insider*, May 2, 2025, <https://www.romania-insider.com/romania-press-freedom-index-2025>.

Merriam, John, "Diagnosing and Countering Russian Reflexive Control," *The Journal of Slavic Military Studies* 36, no. 1 (2023): 1-27, <https://doi.org/10.1080/13518046.2023.2201113>.

Mungiu-Pippidi, Alina, *The Quest for Good Governance: How Societies Develop Control of Corruption* (Cambridge University Press, 2015).

Murero, Monica, "Coordinated Inauthentic Behavior: An Innovative Manipulation Tactic to Amplify COVID-19 Anti-vaccine Communication Outreach via Social Media," *Frontiers in Sociology* 8 (2023), <https://doi.org/10.3389/fsoc.2023.1141416>.

Nimmo, Ben, "Anatomy of an Info-War: How Russia's Propaganda Machine Works, and How to Counter It," *Stopfake*, May 19, 2015, www.stopfake.org/en/anatomy-of-an-info-war-how-russia-s-propaganda-machine-works-and-how-to-counter-it/.

Pomerantsev, Peter, *Nothing Is True and Everything Is Possible: The Surreal Heart of the New Russia* (New York: PublicAffairs, 2014).

Quénel, Nicolas, "AdNow Exposed: How Romania Became a Test Lab for Russian Interference in the West," *Intelligence Online*, December 3, 2025, www.intelligenceonline.com/europe-russia/2024/12/03/adnow-exposed-how-romania-became-a-test-lab-for-russian-interference-in-the-west%2C110347109-evl.

Renz, Bettina, and Hanna Smith, "Russia and Hybrid Warfare – Going Beyond the Label," *Aleksanteri Papers* No. 1/2016 (Helsinki: Kikimora Publications, University of Helsinki, 2016), <http://hdl.handle.net/10138/175291>.

Reuters Institute, "Digital News Report 2023," <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2023>.

Rodríguez, Belén Carrasco, *Information Laundering in the Nordic-Baltic Region* (Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, November 2020), <https://stratcomcoe.org/publications/information-laundering-in-the-nordic-baltic-region/26>.

Romanian Institute for Evaluation and Strategy, "Digital Literacy in Romania: National Study, 2020." – in Romanian

Sikharulidze, Vasil, "Russian Influence Operations in Georgia: A Threat to Democracy and Regional Stability," Foreign Policy Research Institute, March 13, 2025, <https://www.fpri.org/article/2025/03/russian-influence-operations-in-georgia-a-threat-to-democracy-and-regional-stability/>.

Snegovaya, Maria, "Putin's Information Warfare in Ukraine: Soviet Origins of Russia's Hybrid Warfare," Institute for the Study of War, 2015, <https://understandingwar.org/research/russia-ukraine/putins-information-warfare-in-ukraine-soviet-origins-of-russias-hybrid-warfare-2/>.

Taktakishvili, Natiko, "Statistics of Remittance System for 2024," *Business Media*, January 16, 2025, <https://bm.ge/en/news/statistics-of-remittance-system-for-2024>.

Thomas, James, "Romania, NATO and Sham Accounts: Fake Euronews Content Persists Online," *Euronews*, August 19, 2025, <https://www.euronews.com/my-europe/2025/08/19/romania-nato-and-sham-accounts-fake-euronews-content-persists-online>.

- Thomas, Timothy, "Russia's Reflexive Control Theory and the Military," *The Journal of Slavic Military Studies* 17, no. 2 (2004): 237-256, <https://doi.org/10.1080/13518040490450529>.
- Tsygankov, Andrei P., "The Sources of Russia's Fear of NATO," *Communist and Post-Communist Studies* 51, no. 2 (2018): 101-111, <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.04.002>.
- Tughushi, Lasha, Ana Meskhi, and Guram Ananeishvili, "Georgia: Disinformation Resilience Index," Media Development Foundation Prism UA, July 31, 2018, <https://prismua.org/en/english-georgia-disinformation-resilience-index/>.
- Wilkinson, Isabella, and Tamar Dekanosidze, "Georgia Must Bolster Resilience to Information Warfare," Chatham House, March 14, 2022, www.chathamhouse.org/2022/03/georgia-must-bolster-resilience-information-warfare.